

ИНЦИДЕНТ В КИНЕФЕ

Н.Ю. Сивкина

В 220 г. до н. э. в Греции вспыхнула Союзническая война между Этолийским союзом и Эллинской лигой, в которую входили Ахейский союз, Македония и ряд греческих государств¹. Поводом для развязывания войны послужили два события, сделавшие столкновение союзов неизбежным. Первый конфликт завершился битвой при Кафиях², где встретились возвращавшийся из грабительского рейда этолийский отряд и ахейское войско под командованием Арата — стратега ахеян. Сражение закончилось поражением ахейских войск (Polyb. IV.11–12). Но непосредственно к объявлению начала войны привело другое событие — инцидент в Кинефе (Polyb. IV.17–19).

Согласно Полибию, в аркадском городе Кинефе проахейская правящая партия с разрешения ахейцев позволила изгнанникам вернуться на родину. Вероятно, изгнанниками были сторонники спартанского царя-реформатора Клеомена³, вынужденные покинуть родину после окончания Клеоменовой войны в 222 г. до н. э. В городе был поставлен ахейский гарнизон, однако в 220 г. до н. э. после достигнутого соглашения и примирения сторон он был выведен. Вернувшиеся домой граждане приняли активное участие в жизни города, некоторые из них были избраны на должность полемархов (οὐκ δὲ πολέμαρχοῦντες τῶν φυγάδων...).

Однако, следуя Полибию, изгнанники по возвращении домой немедленно замышляли сдать город этолийцам (Polyb. IV.17.10). Изменники из числа полемархов убили своих коллег и открыли ворота этолийским войскам под командованием Доримаха — активного участника предыдущей кампании, закончившейся сражением при Кафиях. Население города, включая изменников, было перебито, имущество их было разграблено (Polyb. IV.18.7–8).

Отсюда, оставив в Кинефе гарнизон, этолийцы двинулись на Лусы и намеревались даже похитить священные стада Артемиды и разграбить ее храм. Но лусиаты предпочли откупиться от них частью храмового имущества (Polyb. IV.18.9–12). Затем этолийцы безуспешно осаждали Клейтор (Polyb. IV.19.4). Не достигнув результата, они двинулись в обратный путь, по пути захватив стада богини. Вернувшись в Кинефу, они собирались передать город своим союзникам в Пелопоннесе — элейцам, но те отказались. Тогда Доримах решил оставить здесь этолийский гарнизон. Однако, узнав о приближении македонян, он предпочел поджечь город (Polyb. IV.19.5–6). Этолийцы отправились к Риону, а оттуда переправились домой.

В изложении этого похода у Полибия довольно много спорных моментов. Во-первых, совершенно очевидно бездействие ахейцев, хотя этолийский отряд, двигаясь к Кинефе и обратно, дважды прошел через их территорию. Полибий указывает, что стратег Ахейского союза — Арат — в это время собирал войска и просил помощи у союзников (IV.19.1). Однако историк противоречит своим же словам. Несколькими строками выше (IV.16.6) он сообщает, что ахейское войско уже набрано, а лакеды-

монянам и мессенянам уже отдан приказ о доставке вспомогательных войск. В другом пассаже автор объясняет пассивность Арата воспоминаниями о поражении при Кафиях (IV.19.11), намекая на тот факт, что стратег Ахейского союза был бездарным командующим.

Можно попытаться объяснить бездействие Арата его желанием выставить этолян явным агрессором⁴. Конечно, принимая во внимание стремление стратега ахейян развязать войну со старым врагом и привлечь в нее на своей стороне силы союзников, прежде всего македонскую армию, такое объяснение было бы вполне приемлемым. Однако это предположение выглядит весьма спорно, если учесть, что битва при Кафиях началась с нападения именно ахейцев.

Вызывает сомнение и тот факт, что Арат столь открыто продемонстрировал союзникам свою слабость. Выставляя этолян нарушителями общего мира, а себя — оскорбленной стороной и заступником общего дела, такой государственный муж, как Арат, просто обязан был попытаться прийти на помощь союзнику. Но, по утверждению Полибия, он даже не решился оказать сопротивление отряду пиратов. Можно обратить внимание и на тот факт, что разоренная этолийцами территория принадлежала союзнику, а не ахейцам. И это обстоятельство не давало оснований Арату утверждать о необходимости оказания помощи ахейцам со стороны остальных союзников.

Таким образом, невмешательство в дела Кинефы должно было отрицательно повлиять на отношения ахейцев и их союзников. Арат продемонстрировал всем, что он не способен выступать гарантом мира и спокойствия в Пелопоннесе. Фактически своим бездействием он давал повод не только к оживлению разбойничьих набегов, но и к измене некоторых союзников. Едва ли Арат был способен на столь опрометчивый поступок. Но в таком случае его пассивность, видимо, была вызвана другими причинами.

Во-вторых, столь же странными на первый взгляд выглядят действия человека, прямой обязанностью которого было соблюдение мира в Пелопоннесе, — македонского офицера Тавриона. Полибий сообщает, что Таврион был назначен Антигоном Досоном «царским уполномоченным» в Пелопоннесе и принимал в этом качестве участие в Союзнической войне 220–217 гг. (Polyb. IV.6.4; 10.6; 19.7). Известно, что он принял участие в битве при Кафиях на стороне ахейцев, хотя македонский царь Филипп V (Polyb. IV.16.2–3) и после этого столкновения продолжал оставаться в мире с этолийцами. В войну он вступил только после официального ее объявления. И тем не менее в битве при Кафиях вместе с ахейцами сражалось и войско Тавриона. Весьма сомнительно, чтобы македонский офицер, даже если он «заведовал делами в Пелопоннесе», мог самостоятельно принять участие в боевых действиях, хотя Македония официально войну не вела.

Тогда возникает закономерный вопрос: на каком основании действовал Таврион? Объяснение, думается, одно: он мог действовать подобным образом только как «страж мира»⁵. Именно эта должность предусматривала самостоятельность, действие на свой страх и риск и позволяла иметь достаточное для оказания помощи союзнику войско.

Но в таком случае представляется нелогичным его невмешательство в столь явное нарушение общего мира, как уничтожение Кинефы. Полибий сообщает, что Таврион получил известие о вторжении этолян и о судьбе Кинефы. Однако вместо того, чтобы самому поспешить с войском и остановить этолийцев, Таврион начал переговоры с иллирийцем Деметрием Фарским (Polyb. IV.19.7–9). Тот был занят

опустошением Киклад (Polyb. IV.16.8), и его действия нельзя расценить иначе, как пиратские.

Именно этого авантюриста Таврион уговорил воспрепятствовать переправе этолян. Можно предположить, что Деметрий не столь охотно принял бы это предложение, если бы не соблазн отбить добычу, награбленную в Кинефе. Более того, Таврион даже обещал оплатить все расходы, связанные с перетаскиванием лодок. Однако переговоры, видимо, затянулись, и Деметрий опоздал к переправе этолян на два дня. Таким образом, можно отметить, что Таврион по каким-то причинам сам не смог отразить нападение этолян.

В-третьих, этолийцы в этом инциденте повели себя весьма неблагоприятно. Следует вспомнить предшествующие события и столкновение при Кафиях. Собственно, этолийское предприятие в Мессению тогда, хотя и преследовало политические цели, по сути было грабительским (Polyb. IV.3–4; 6.11–12). Не менее существенным кажется то обстоятельство, что в течение нескольких лет (точнее с 224 г.) этолийцы были вынуждены отказаться от пиратских рейдов и набегов. Дело в том, что при заключении Эллинской лиги договор предусматривал не только оказание помощи союзнику, но, видимо, гарантировал мир и свободу мореплавания (Polyb. IV.3.1–3). Фактически, это означало лишение Этолии ее традиционных средств существования.

Поэтому, когда Доримах и Скопас, не дожидаясь союзного этолийского собрания и без соблюдения соответствующей процедуры, пошли на возобновление старой политики, это было благосклонно встречено согражданами (Polyb. IV.5–6). Однако удивителен тот факт, что до битвы при Кафиях этолийцы практически не разоряли территорий, через которые проходили, за исключением цели их рейда — мессенских земель. Это позволяет говорить о том, что отряд Доримаха мог преследовать какую-то иную цель, даже более значимую, чем разорение территории.

Скорее всего, этолийцы, так же как и Арат, считали момент для начала боевых действий благоприятным (Polyb. IV.3.3). Македонский царь был слишком молод, неопытен в военных делах и дипломатии, чтобы играть какую-то существенную роль в греческих делах. Столкновение с одним Ахейским союзом, вероятно, не вызывало их опасений. Реальную угрозу представляла лишь вся Эллинская лига⁶.

Маневры Доримаха в Пелопоннесе можно истолковать как испытание лиги на прочность. Разгром ахейцев при Кафиях способствовал осознанию этолийцами своего преимущества над соперником. Поэтому после битвы при Кафиях этолийцы не только не прекратили набег, но еще более дерзко стали вмешиваться во внутренние дела Пелопоннеса (Polyb. IV.17; 25.4–5).

Вероятно, у них появился шанс помешать ахейцам организовать против них единый фронт пелопоннесцев. В связи с этим иное значение приобретают сообщения о том, что этолийцы вступили в переговоры с изгнанниками из Кинефы (Polyb. IV.17.12), потом осаждали Клейтор, требуя, чтобы жители отложились от ахейян и вступили в союз с ними (Polyb. IV.19.2). Более того, до вторжения они вели переговоры и со спартамцами (Polyb. IV.22.5), и только появление македонского царя в Пелопоннесе не позволило им объединить силы.

Следует обратить внимание еще на одно событие: после ухода этолян из Пелопоннеса туда прибыл с войском македонский царь Филипп V. Полибий отмечает, что царь опоздал, но целью его похода было оказание помощи ахейцам (Polyb. IV.22.2). Однако не вполне ясно, когда и в связи с каким событием Македония ре-

шила оказать помощь союзнику. Дело в том, что в битве при Кафиях, как отмечалось выше, македонский царь участия не принимал. Более того, даже после этого столкновения ничего необычного в поведении этолян Филипп и союзники не усмотрели и приняли решение оставаться с ними в мире (Polyb. IV.16.3).

Пока этоляне осаждали Клейтор, Арат вновь обратился за помощью к Филиппу (Polyb. IV.19.1). Однако остаются не вполне ясными следующие моменты: кому требовалась помощь — ахейцам или союзникам; и почему призыв был направлен в далекую Македонию. Ибо с самого начала было очевидно, что сбор войска и продвижение его в Пелопоннес должны были занять гораздо больше времени, чем требовалось Тавриону, находившемуся на полуострове.

Неудивительно, что македонский царь прибыл с таким опозданием. Вероятно, об уходе этолян он был извещен еще по дороге в Пелопоннес. Поэтому по прибытии он приказал собрать всех представителей союзников в Коринф (Polyb. IV.22.2), где обсуждался вопрос об агрессии этолян. Однако пока делегаты собирались, Филипп направился в Спарту — еще один очаг недовольства в Пелопоннесе (Polyb. IV.22.3–24).

По вопросу о членстве Спарты в Эллинской лиге мнения исследователей расходятся. Согласно одной из версий, Спарта после поражения в войне, то есть в 222 г., стала членом лиги⁷. Согласно Полибию, после воцарения Филиппа V спартанцы вступили в переговоры с этолянами. Однако Доримах поспешил покинуть Пелопоннес до прихода македонских сил, что вызвало панику среди спартанских изменников. Стремясь предотвратить раскрытие своих планов, они организовали убийство промакедонски настроенных должностных лиц и многих других граждан. Именно это убийство и привлекло внимание Филиппа, пока послы союзников собирались в Коринф. Примечательно, что в итоге виновные остались безнаказанными. Царь заявил, что он во внутренние дела государств лиги не вмешивается (Polyb. IV.24.4–6). Подобные действия Филиппа находят лишь одно объяснение: Филипп желал продемонстрировать союзникам, что соблюдение условий договора для него намного важнее, чем потеря нескольких сторонников.

Таким образом, все приведенные выше спорные моменты показывают, что ситуация вокруг разгрома Кинифы была несколько сложнее, чем представлено у Полибия. Но все эти противоречивые данные, пожалуй, можно увязать в единое целое, если принять во внимание тот факт, что сам македонский царь действовал в качестве гегемона Эллинской лиги.

Гегемон осуществлял политическое и военное руководство союзом, обладая обширными полномочиями. Гегемон владел правом созыва синедров (Polyb. IV.22.2; V.28.3; 102.8–9), высказывал свои предложения (Polyb. IV.24.5–8), председательствовал в совете (Polyb. IV.13.7). Как военный глава союза он созывал войска союзных государств (Polyb. V.17. 9; 20.1), вероятно, самостоятельно определяя стратегию и тактику военных действий, являясь главнокомандующим на войне.

Как полагал Ф.Г. Мищенко⁸, Союзническая война вообще была на самом деле войной Филиппа против этолийцев, а эллины, воевавшие на стороне Филиппа, были союзниками несвободными и покорными. Однако в настоящее время принято считать, что эллины в этой войне не были просто послушными сателлитами. Конечно, интересам македонского царя конфликт с Этолией не противоречил, если учесть возможность усиления македонского контроля в Греции в ходе войны. Однако одной из ее причин являлось и то, что противостояние двух таких союзов, как Этолийский и Ахейский, должно было привести к конфликту между ними.

Достаточно вспомнить несколько фактов. Первые боевые действия велись одними ахейцами, а Филипп в это время продолжал оставаться в мире с этолийцами (Polyb. IV.16.3). После официального объявления войны Филипп не сразу вступил в нее, так как был занят подготовкой армии и защитой страны от дарданов на севере⁹. Сомнительно, что Филипп не был бы готов к войне, если бы сам развязал ее. Поэтому возможно лишь одно объяснение: война затевалась Ахейским и Этолийским союзами, а Филипп вступил в нее в силу союзнических обязательств. Его планы подчинения Греции в ходе большой войны, возможно, сложились позднее, когда боевые действия уже начались.

Кроме того, о непричастности македонян к развязыванию войны говорит тот факт, что местом зарождения конфликта стала Мессения, которую к Эллинскому союзу привлек Арат, а не Филипп. Не стоит сбрасывать со счетов и подготовку к войне этолийцев. Прекращение грабительских рейдов довольно внушительно ударило по экономике этолян, что рано или поздно привело бы к возобновлению традиционных рейдов и, следовательно, к конфликту с Эллинской лигой.

Таким образом, достаточно ясно, что развязывание войны ни в коем случае не связано с политикой гегемона. В самом начале царствования Филиппа, когда он был еще молод, неопытен в военном деле и неискушен в дипломатии, основным принципом его руководства были идеи «Общего мира»¹⁰, провозглашенные при организации лиги.

Конечно, можно предположить, что Филипп V поступил так же, как в свое время Филипп II, провозгласив себя борцом за интересы эллинов, прикрыв этим лозунгом и свои собственные интересы. Однако, учитывая мягкую, компромиссную политику его предшественника Антигона Досона¹¹ и сильное влияние Арата на молодого царя, не исключено, что Филипп и впрямь действовал в Греции как союзник, во всяком случае на первом этапе своего правления. Именно в качестве гегемона поспешил Филипп в Грецию, узнав о смутах в Пелопоннесе.

Что касается этолийцев, то после битвы при Кафиях, понимая близость войны, они стремились всеми силами ослабить позиции противника в Пелопоннесе. Отчасти им это удалось. Элида была давним союзником Этолии, так же как и Фигалея. Мессения, перешедшая на сторону Эллинской лиги, была напугана вторжением Доримаха и разгромом ахеян при Кафиях до такой степени, что не посмела объявить войну Этолийскому союзу (Polyb. IV.31.1). Арату пришлось приложить много усилий, вплоть до государственного переворота в Мессении, чтобы заставить граждан изменить позицию¹².

Спарта, потерпевшая поражение в Клеоменовской войне, начала переговоры с этолянами и была готова выступить на их стороне, как покажут дальнейшие события Союзнической войны (Polyb. IV.35–36). Кинефа была разграблена и уничтожена, Клейтор потерял силы, отбивая атаки этолян. Таким образом, к началу войны этоляне провели значительную подготовительную работу, ослабив своего противника. С этой точки зрения, инцидент в Кинефе вовсе не выглядит очередной этолийской авантюрой. Напротив, эта акция была хорошо продумана и организована.

Учитывая, вероятно, опыт прошлого похода, этолийцы смогли разобщить силы своих противников. В битве при Кафиях им противостояли ахейцы и македонский отряд Тавриона, под общим руководством Арата (Polyb. IV.12.2). К сожалению, военные способности Арата оказались намного слабее дипломатических. Вероятно, при Кинефе Доримах не опасался встречи с ахейским войском. Угрозу для него

мог представлять Таврион. Поэтому перед походом Доримах и вел переговоры со спартанцами. Естественно, что полностью в тайне их сохранить не удалось. Наместник Спарты Брахилл¹³ должен был известить о них Тавриона, а тот, в свою очередь, поставил в известность царя Филиппа.

Вероятно, эти события и отвлекли внимание Тавриона от нового вторжения. Не имея в своем распоряжении достаточно сил, чтобы разделить их между двумя очагами волнений, Таврион предпочел оставить их у себя для предотвращения возможного восстания в Спарте или соединения сил противников. А для помощи ахейцам он пытался привлечь Деметрия Фарского, хотя и без особых успехов.

Этим пристальным вниманием к спартанским делам можно объяснить и выступление македонского царя. Едва ли он смог бы прибыть в Пелопоннес вскоре после ухода этолян, если бы откликнулся на призыв Арата. Скорее всего, набор войска и продвижение на юг было вызвано более ранним сообщением Тавриона о смутах в Спарте. Именно туда направлялся македонский царь, когда по дороге получил известие о нападении этолян на Кинефу. Действуя как гегемон лиги, он предпочел не вмешиваться в дела Спарты, поскольку формального выступления против лиги не произошло. Также и вопрос об этолянах он предпочел решать законным путем: решение должен был принять синедрион.

Учитывая вышесказанное, вполне объяснимым становится и бездействие Арата в этом инциденте. Выступать против этолян без македонских сил, оставив в тылу недовольных мессенян и готовых к восстанию спартанцев, было довольно рискованным мероприятием, тем более, если учесть слабые полководческие способности стратега ахеян. Зная о приближении Филиппа, Арат предпочел дожидаться его прибытия и совместно урегулировать отношения с союзниками. На заседании синедров в Коринфе было принято ожидаемое Аратом решение об объявлении войны Этолийскому союзу (Polyb. IV.25.1–5).

Примечания

1. О том, что между ними был заключен именно военный союз, Полибий упоминает неоднократно (συνδικαίᾳ: Polyb. IV.9.4; 15.2; 16.1; 23.6; κοινὴ συνδικαίᾳ: Polyb. IV.9.2; 24.5; 24.6; 29.7; 55.2.). Полибий также сообщает (II.54.4), что на синоде в Эгии осенью 224 г. Антигон Досон κατασταθεῖς ἡγεμόν ἀπάντων τῶν συνδικαίων, то есть стал главой новой Эллинской лиги.

2. Polyb. IV.7.7–10 и IV.9; ср.: Plut. Arat. 47. *Fine J.* The Background of the Social War of 220–217 B.C. // *American Journal of Philology*. 1940. Vol. LXI. P.160 ff.; *Roe-buck C.* A history of Messenia from 369 to 146 B.C. Chicago, 1941. P.74 ff.; *Walbank F.W.* A historical commentary on Polybius. Vol. I. Oxford, 1957. P.456 ff.; *Сивкина Н.Ю.* Битва при Кафиях // XII чтения памяти профессора С.И. Архангельского: Материалы международной конференции. Ч. I. Н. Новгород, 2001. С. 101–108.

3. *Walbank F.W.* Op. cit. P. 464.

4. Арат имел огромное влияние на молодого македонского царя Филиппа V, который только что занял македонский трон и одновременно являлся гегемоном Эллинской лиги. Поэтому Арат мог надеяться одолеть старого соперника — Этолийский союз, использовав мощь всей Эллинской лиги и в первую очередь. Македонии. Но для того, чтобы втянуть в войну всю лигу, ему было необходимо выглядеть в

глазах союзников оскорбленной стороной. В случае нападения на одного из союзников потерпевший мог обратиться за помощью κατὰ τὰς ὁμολογίας (*Polyb.* IV.15.2).

5. Объединение, подобное Эллинской лиге, существовало в прежние времена — это Коринфская лига Филиппа II и Эллинская лига Антигона Одноглазого. Союзная организация всех трех лиг имела много общего. Все они возглавлялись гегемоном, в роли которого выступал македонский царь, высшим органом был синедрион — собрание представителей от всех участников лиги. Кроме того, в лиге Филиппа II, основанной в 338 г., существовали так называемые «стражи мира» (*Ps.-Dem.* XVII.15), а в союзе Антигона, образованного в 302 г., была предусмотрена должность стратега «для общей стражи» (*SVA* III,446,68 sq). Основной функцией этих должностных лиц была охрана существующего порядка. См. в целом: *Кондратюк М.А.* Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30–20-х гг. IV в. до н. э. // ВДИ. 1977. № 2. С. 25–42; *Самохина Г.С.* Панэллинская идея в политике Македонии конца III в. до н. э. // Социальные структуры и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 104–119.; *Фролов Э.Д.* Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады // ВДИ. 1974. № 1. С. 45–62; *он же.* Панэллинизм в политике IV в. до н. э. // Античная Греция. Т. II. М., 1983. С. 157–207; *Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 2. München, 1944; *Hammond N., Griffith G.* A history of Macedonia. Vol. II. Oxford, 1979; *Hammond N.G., Walbank F.W.* A History of Macedonia. Vol. III. Oxford, 1988. В отличие от предшествующих союзов, лига 224 г. имела некоторые особенности, отразившиеся на союзной организации. Так, в союзе 224 г. должность «стража мира» существовала, но единственным действовавшим в то время «стражем» был Таврион. См. также: *Сивкина Н.Ю.* Должность Тавриона в Эллинской лиге 224 г. до н. э. // Античное общество IV: власть и общество в античности. Материалы конференции антиковедов. СПб., 2001. С. 101–107.

6. *Roebuck C.* Op.cit. P. 72; *Tarn W.* The Greek Leagues and Macedonia // *САН.* 1928. P. 763; *Walbank F.W.* Macedonia and the Greek Leagues // *САН*². Vol. VII. 1984. P. 474 f.; *Lehmann G.* Untersuchungen zur historishen Glaubwürdigkeit des Polybios. Münster, 1967. S. 341f.

7. Полибий намекает на это в тексте речи Филиппа V (IV.24.4–6), который говорит, что лакедемоняне пока ни в чем не провинились перед κοινῆ συμμάχια, а свои внутренние дела союзники могут улаживать сами. Кроме того, когда послы Эллинской лиги были отправлены по решению синедриона πρὸς τοὺς συμμάχους для ратификации решения о войне с этолийцами (*Polyb.* IV.26.2), они прибыли и в Спарту (IV.34.1). *Самохина Г.С.* Указ. соч. С. 109; *Beloch K.J.* Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. 4. Berlin; Leipzig, 1925. 1 Abt. S. 718, Anm. 1; *Fine J.* Op. cit. P. 152; *Larsen J.* Greek Federal States. Their Institutions and History. Oxford, 1968. P. 325; *Will E.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 a.v. J.C.). Vol. I. Nancy, 1966. P. 361; *Heuss A.* Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren Staats- und volkerrechtlichen Beziehungen. Leipzig, 1937. S. 30; *Walbank F.* Commentary. I. P. 457; *Hammond N., Walbank F.* Op. cit. P. 362; *Errington R.M.* A History of Macedonia. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1990. P. 183. Однако другие сведения Полибия позволяют усомниться в участии Спарты в союзе. Например, спартанцы не упоминаются в числе союзных делегатов в Коринфе (*Polyb.* IV.25.1–4). Б. Шимрон считает, что со Спартой был заключен договор, но это была симмахия «с Филиппом и македонянами», поскольку данные Полибия об этом, как он полагает, более

внятные, чем об участии спартанцев в Эллинской лиге (*Shimron B. Late Sparta. The Spartan revolution 243–146 B.C. Buffalo, 1972. P. 68*). Г. Бенгтсон полагает, что лишение Спарты независимости не входило в интересы ахейцев и македонского царя, им было достаточно изгнать Клеомена (*Bengtson H. Die Inschriften von Labranda und die Politik des Antigonos Doson. Bayer. Akad. Wiss. München, 1971. S. 49*). Н. Хэммонд также высказывается за существование альянса Спарты с Антигоном Досоном, а не с Эллинской лигой (*Hammond N., Walbank F. Op. cit. P. 372. Not. 1*). В то же время В.Д. Жигунин считает, что «Спарта как побежденная держава» вообще не могла быть членом лиги (*Жигунин В.Д. Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. Казань, 1980. С. 159*).

8. Мищенко Ф.Г. Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история. Т. I. СПб., 1994. С. 122.

9. *Hammond N., Walbank F. Op. cit. P. 374.*

10. Хотя в 224 г. до н. э. Эллинская лига была образована как *συνδικία*, о чем Полибий неоднократно заявляет, историк упомянул и общеэллинский мир — *κοινὴ ἐπὶ ῥήνῃ* (IV.3.8). Едва ли автор имел в виду особый тип договора. Скорее всего, проводя аналогию с союзами 338 г. и 302 г., основанными соответственно Филиппом II и Антигоном Одноглазым, во всех этих лигах имело место включение в договор о военном союзе нескольких положений из договора об «Общем мире». Характерными условиями «Общего мира» являются следующие: 1) запрещение междоусобных конфликтов, 2) автономия греческих государств, 3) гарантия помощи в случае нарушения мира и 4) борьба с пиратством. Привлекая свидетельства Полибия, можно утверждать, что все перечисленные условия были включены в договор 224 г. (*Polyb. IV.3.8; 15.2; 16.5; 24.5*).

11. На момент заключения союза Антигон Досон фактически не контролировал Грецию, а в 224 г. ему предоставилась заманчивая перспектива вновь распространить свое влияние южнее Фермопил. Неудивительно, что и впоследствии греки вспоминали Антигона как «правителя мягкого и справедливого».

12. О событиях в Мессении накануне Союзнической войны см.: *Polyb. VII.10.1; Roebuck C. Op. cit. P. 81 ff.; Mendels D. Messene 215 B.C. An enigmatic revolution // Historia. 1980. Bd. 29. P. 247 ff.; Сивкина Н.Ю. Государственный переворот в Мессении в 220 г. до н. э. // Античный мир: Материалы науч. конф. Белгород, 1999. С. 34 и сл.*

13. Антигон оставил в Пелопоннесе царского представителя Тавриона (*Polyb. IV.6.4; 87.8*). Ему, вероятно, подчинился уполномоченный по делам Спарты (*ἐπιστάτης*) беотиец Брахилл (*Polyb. XX.5.12*); *Самохина Г.С. Панэллинская идея... С. 117.*